

В. М. МАТВЕЕВ

«Дипломатия в верхах». Петр I и Вильгельм III в Утрехте и в Лондоне

Великое посольство Петра I стало «эпохой в истории, в истории не только его страны, но и в истории нашей страны и всего мира»*. Английский историк Томас Маколей был, скорее всего, первым исследователем, столь высоко оценившим политическое и дипломатическое влияние длительного заграничного путешествия русского царя на международные отношения той поры. Теперь, три столетия спустя, у нас есть весомый повод и достаточные возможности по-новому взглянуть на отдельные эпизоды в истории Великого посольства, которые, в силу ряда причин, ранее рассматривались исторической наукой как малозначительные с точки зрения большой политики и дипломатии.

Таким событием была, на наш взгляд, встреча Петра I с английским королем и голландским штатгальтером (наместником) Вильгельмом III в Утрехте 1 сентября 1697 г., а также их последующие беседы в Голландии и в Англии. Обнаруженные относительно недавно в британских архивах новые документы, их сравнение с ранее известными источниками, одновременное рассмотрение английских и российских архивов, наряду с размышлениями над особенностями внешнеполитической ситуации в Европе накануне, во время и после Утрехта, дают нам определенный повод усомниться в правильности традиционной точки зрения, состоявшей в том, что свидание двух монархов носило в основном церемониальный характер**. На деле именно в Утрехте царем впервые были провозглашены его стратегические внешнеполитические

* *Macaulay* Г. The History of England from the Accession of James the Second. L., 1849–1861. Vol. 5. P. 71.

** См., например: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 83.

замыслы, сформулированы претензии России на получение своего достойного места в ряду великих европейских держав. И, что еще важнее, эти претензии встретили понимание со стороны Вильгельма III, о чем прежде всего свидетельствует приглашение посетить Англию и радушный прием царя на Британских островах во время его более чем трехмесячного пребывания там (11 января — 25 апреля 1698 г.).

Англия со времени получения престола Вильгельмом III и его супругой Мэри (умерла в 1694 г.) сумела уже завоевать прочное место в системе международных отношений в Европе, стать одним из мировых финансовых и торговых центров и вполне могла рассматриваться в качестве великой державы*. Россия, напротив, предпринимала первые попытки добиться признания со стороны европейских держав. В этих условиях предложенная Вильгельмом III двадцатипятилетнему русскому царю дружеская рука не могла не придать Петру I уверенности в своих силах, не внушить ему надежды на выполнимость в России того, что уже сделал для международного престижа Англии Вильгельм III. Ряд достигнутых в октябре 1697 — апреле 1698 г. англо-российских договоренностей, их влияние на расстановку сил в Европе позволяют, как считает Дж. Бэрани, говорить о данном периоде как о времени англо-российского «сердечного согласия»**. Положительные импульсы 1697–1698 гг. давали знать о себе, по крайней мере в некоторых аспектах, многие годы и десятилетия спустя.

Встреча в Утрехте

В середине 1980-х гг. американский историк Джордж Бэрани обнаружил в архиве графов Сазерлендов, хранящемся в рукописном отделе Национальной шотландской библиотеки в Эдинбурге, написанный на английском языке текст приветственного обращения Петра I к королю Вильгельму III. Приводим его полностью в русском переводе, стараясь по мере возможности передать особенности его орфографии и пунктуации. В скобках приведены отсутствующие в данном тексте окончания слов и фраз, восстанавливаемые по французским версиям речи Петра I. «Обращение царя Масковии к королю Вильяму при их встрече в Утрехте Прославленнейший Император.

* См.: The Oxford Illustrated History of Britain / Ed. Kenneth O. Morgan. N. Y., 1996. P. 356.

** Подробнее см.: *Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht.* N. Y., 1986.

Не стремление увидеть знаменитые города Германской империи или самую могущественную Республику Вселенной заставило меня оставить свой Трон в Отдаленной стране и мои Победоносные Армии. Нет, я был одержим одним только неистовым желанием — повидаться с Храбрейшим и Великодушнейшим Героем Века.

Желание мое. Исполнилось. Возможность быть принятым Вами является щедрой наградой за мое путешествие Ваши добрые объятия приносят мне больше удовлетворения, чем взятие Азова и победы над татарами. Это и Ваши победы. Ваш Военный Гений направлял мой меч, а стремление сравняться с Вашими подвигами вдохнуло в грудь мою первые мои мечты о расширении пределов моих владений. Не достает слов, чтобы выразить мое благоговение перед Вашей Священной Особой, одно из доказательств которого мое редкостное путешествие. Время идет вперед, и я надеюсь, что скоро придет и Мир, и у Меня уже не будет возможности подобно Максимилиану сражаться под Английскими Знаменами против Франции Общего [врага христиан].

Если же война продолжится, Я и мои Армии охотно выполняют Ваши Приказы. И если — будь то в Войне или Мире — Ваши трудолюбивые подданные приедут торговать в наши самые Северные Части Мира, Русские Порты будут открыты для них. Я предоставляю им большие привилегии, чем когда-либо в прошлом. И их имена останутся в самых драгоценных Анналах Моей Империи как вечный Памятник Моему Уважению к Достойнейшему из королей»*.

Проведенная экспертиза показала подлинность текста и его временную принадлежность концу XVII в. Но это само по себе не говорит о том, что найденная в Эдинбурге рукопись не выдумка какого-либо политика того времени. Более доказателен другой факт — английская версия выступления Петра I почти дословно совпадает с текстом на французском языке, распространенном в Лондоне осенью 1697 г. (хранится в Библиотеке Британского музея), а также с опубликованными в Париже в 1721 и в 1742 гг. французскими вариантами. Французская версия воспроизведена и в приложении к книге М. А. Веновитинова, приуроченной к двухсотлетию Великого посольства**.

Летописец событий конца XVII — начала XVIII в. Н. Лутрелл уже через полтора месяца после утрехтской встречи заносит в свой дневник (впервые опубликованный в 1857 г.) несколько сокращенный пересказ речи русского царя, однако почти полностью совпавший

* Цит. по: *Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht*. P. 5–6. (Перевод мой. — *В. М.*)

** См.: *Веновитинов М. А. Русские в Голландии*. М., 1897. С. 197–198.

со всеми известными в его время и позднее вариантами. Впервые на запись Лутрелла обратил внимание совсем недавно, в пятидесятых годах нашего столетия, английский ученый Лео Лэвенсон*. Другие историки не заметили ее, а скорее всего, не хотели замечать.

И наконец, епископ Дж. Бэрнет в своей приветственной проповеди перед королем, произнесенной им по случаю возвращения Вильгельма III из Голландии, окончания девятилетней войны с Францией и подписания с ней Рисвикского мирного договора, приводит длинный пассаж о Петре I. В нем среди прочего говорится о том, что «великий Король из очень отдаленных краев покидает свой трон и владения», чтобы увидеть своего «героя», то есть короля Вильгельма III**.

Тем не менее вплоть до самого последнего времени, и особенно до известий о находке Бэрани, историки либо вовсе игнорировали этот сюжет в своих сочинениях, либо считали тексты выступления царя подделкой, либо — так было в случае с некоторыми советскими историками — плодом фантазии иностранных авторов. У наиболее серьезных отечественных исследователей имелся и один весьма весомый аргумент — в российских архивных источниках, и в первую очередь в «Статейном списке» Великого посольства, нет никакого упоминания о речи Петра I***.

Любопытно, что даже великий Вольтер, имевший в своем распоряжении архивные материалы эпохи Петра I, в их числе и распространенную в 1697 г. французскую версию утрехтской речи, предпочел в своей «Истории России» вовсе закрыть глаза на этот факт.

У каждого из исследователей были, вероятно, свои аргументы. Вольтер, выступая за более тесное политическое и культурное сближение России и Франции, возможно, опасался, что его могущественным покровителям в Петербурге и в Париже будет неприятна антифранцузская доминанта речи царя. «В лучшем случае он полагал, что эта речь не более чем пропагандистский прием в войне нервов между Людовиком XIV и Вильямом III»****. Вполне вероятно, что и другие исследователи (в частности, уже упоминавшийся М. А. Веневитинов) опасались, что события

* См.: Loewenson L. The First Interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English Material // Slavonic and East European Review XXXVI. L., 1957–1958. P. 312.

** Ibid. P. 311–312.

*** См.: Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 162.

**** Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht P. 39

давних лет могут негативно сказаться на современных им политических расчетах — ведь их сочинения публиковались как раз в годы русскофранцузского сближения. Опасения, надо заметить, были совершенно беспочвенными. Ни Петр I, ни его утрехтский собеседник не смешивали государственно-политические интересы с национальными и личными симпатиями и пристрастиями. Более того, резко антифранцузская направленность внешней политики Вильгельма III мирно соседствовала у него с любовью ко всему французскому, включая и короля Людовика XIV, и его приближенных*. В английском государственном архиве сохранилось длинное донесение тогдашнего чрезвычайного посла Англии в Париже графа Портленда (В. Бентинка) от 24 апреля 1698 г., в котором посол не жалеет восторженных выражений по поводу оказанного ему в Версале приема королем Людовиком XIV, похвал французской культуре и учтивости. «Я могу твердо сказать, и в моих словах нет лести, — пишет из Парижа граф Портленд, — что здесь Ваше Величество ценят и уважают больше, чем в Вашей собственной стране...»**. Послы того времени, тем более граф Портленд, бывший долгие годы главным доверенным лицом короля Вильгельма III, были отлично осведомлены о вкусах своих покровителей.

Кроме того, для европейских государств тех лет замена одних союзников другими, порой мгновенная, была нормой дипломатического поведения. Ее быстро переняла и российская дипломатия. Так, не прошло и года после лондонских дружеских встреч Вильгельма III и русского царя, как, по поручению Петра I, один из Великих послов П. Б. Возницын неоднократно тайно встречается в Вене с французским секретным агентом де Вийяром. Зондируются перспективы сотрудничества и даже союза между Петром I и Людовиком XIV. В этом свете опасения советских, российских и французских историков относительно негативных политических последствий оглашения утрехтской речи Петра I представляются надуманными.

На наш взгляд, отсутствие упоминания о выступлении царя в записях Великого посольства также не может служить доказательством того, что такого выступления вовсе не было. Высказанные царем мысли настолько опережали характерное для тогдашних высших слоев России, особенно для лиц духовного сана, умонастроение, что, прочтя их в Москве, царя вполне могли в лучшем случае счесть сумасшедшим, а в худшем — предателем

* См.: *Baxter SB. William III. L., 1966. P. 48.*

** *Calendar of State Papers: Domestic Series. 1 Jan. — 31 Dec. 1698. L., 1933. P. 210.*

и вероотступником. Одно лишь упоминание о готовности «сражаться под Английскими Знаменами» могло всколыхнуть бурю ненависти в стане оппозиции на родине Петра I, а то и стоять молодому царю головы. В этих условиях фиксация утрехтской речи в дневнике посольства была на самом деле равносильна самоубийству. Отдавая себе отчет в этом, царь, по всей вероятности, мог строжайше указать присутствовавшим на встрече приближенным круг их был весьма ограничен — никаких письменных свидетельств не оставлять. В «Статейном списке» есть, кстати, одна знаменательная фраза: «О чем конкретно говорили, не записано»*.

Мы не знаем, в какой форме Петр I произнес свою яркую речь, был ли это импровизированный тост или заранее подготовленное (может быть, с помощью Лефорта) приветствие. Неизвестно, на каком языке оно произносилось, кто переводил текст, если в переводе была надобность. Нет точной информации и о том, кто из присутствовавших в свите Вильгельма III мог записать эту речь. Но, скорее всего, она состоялась. Текстуальные совпадения ее записей, появляющиеся на разных языках и в разное время, притом независимо друг от друга, почти доказывают это. Но на наш взгляд, наиболее надежное доказательство следует искать в иной сфере, а именно в смысловом анализе выступления Петра I, в почти точном соответствии идеи речи с замыслами и действиями русского царя и Великого посольства накануне, во время и после Утрехта.

В мае-июне 1697 г., пребывая в гостях у электора Бранденбурга-Пруссии Фридриха III, царь решает изменить маршрут Великого посольства и отправиться не в Вену на встречу с Леопольдом I (как планировалось вначале), а в Голландию. В уведомлении об этом, направленном 19 мая цесарю Леопольду I, уточняется, что «Петр I распорядился ехать сначала к Английскому Королю»**, который с начала мая уже находился на голландской земле. Второго июня посольство отправляет в Голландию официальную «обвести-тельную» грамоту о своем предстоящем прибытии***. В середине августа Петр I и Великое посольство уже находятся в Амстердаме. Двадцать третьего августа послы отправляют специального посланника к Вильгельму III с сообщением о том, что они готовы с ним встретиться, когда «на то его воля будет»****.

* Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. С. 923.

** Там же. С. 807.

*** См.: *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 98.

**** Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. С. 807.

Крайне любопытно, что этим решением Петр I (чье мнение, конечно, определяло все политические решения посольства) фактически отступает от единственной объявленной внешнеполитической цели посольства, а именно — укрепления союза христианских государств Европы в ведущейся ими войне против Османской империи*. Антитурецкая коалиция возглавлялась Леопольдом I — императором Священной Римской империи германской нации. При этом ни Англия, ни Голландия в эту коалицию не входили, в «южной» войне не участвовали и, судя по всему, участвовать не собирались.

Каковы бы ни были варианты объяснений «странного» решения царя, напрашивается вывод — у Петра I вызревают новые внешнеполитические замыслы, отодвигающие «турецкие дела» на второй план.

В самом деле, известно, что уже в ходе секретных переговоров (в начале июня 1697 г.) с Фридрихом III в Кенигсберге мысли царя уходят в сторону предстоящей борьбы со Швецией за выход на Балтику**. Его взгляд устремляется к поиску возможной поддержки его новых проектов в Западной Европе. У Петра I, таким образом, появляется естественный мотив для встречи с королем Вильгельмом III. Стремление же к такому свиданию присутствовало у царя с его самых юных лет.

Вильгельм III — давний кумир молодого Петра I. Внимательно следя за действиями английского короля, сумевшего в одном союзе (Аугсбургской Лиге) объединить как протестантские (Англия и Голландия), так и католические страны (Священная Римская империя) и остановить экспансию Людовика XIV в Европе***, Петр I не скрывает своей радости при каждой вести о его военных успехах. В мыслях он сам порывается стать под знамена Лиги. «Этот юный герой, — сообщал датский чрезвычайный посланник в своем сообщении из Москвы еще в июне 1692 г., — нередко выражает пожелание присоединиться к кампании под началом Его Величества короля Вильяма и участвовать в его действиях против французов на море...»****.

Вильгельм III симпатичен Петру I и как личность, и как государственный деятель и дипломат, и как полководец и флото-

* См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. С. 65.

** Подробнее см.: Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 93–94.

*** См.: Feiling K. A history of England. From the Coming of the English to 1918. L., 1966. P. 579.

**** Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. P. 20.

водец. В мечтах царя — вывести свою родину в число сильных и богатых европейских государств, сделать для России то, что совершил для Англии Вильгельм III. На пути обоих стоит общий противник — Франция. При этом антифранцузские настроения Петра I в 1697–1698 гг. усиливаются. Царь осведомлен о том, что именно Франция стоит за спиной Османской империи, натравливая турок и «крымчан» на Москву. Дипломаты Людовика XIV активно интригуют и в Польше, стремясь посадить на вакантный польский трон своего ставленника принца де Конти, известного своими антирусскими настроениями, более того, пытаясь вообще вывести Польшу из антитурецкой коалиции. И, что особенно болезненно воспринимается Петром I, именно французский флот блокирует развитие торговых связей России с Западной Европой, не пропуская торговые суда, в первую очередь его любимых голландцев, в единственный русский порт — в Архангельск. Этим и объясняются причины, почему каждая, даже самая маленькая, победа Вильгельма III в его войне с Францией воспринимается русским царем как его собственная победа. Добавим, что католик Людовик XIV — главный враг столь любимых Петром I голландских протестантов, все еще не признающий прав «голландского Вильяма» на английский престол и укрывающий на французской территории изгнанного с Британских островов Якова II. А если еще вспомнить личную обиду, нанесенную московскому посольству в Париже в 1687 г., уязвившую самолюбие тогда еще совсем юного Петра I, то его гневные слова по адресу Франции на встрече с Вильгельмом III даже если и не были, то вполне могли быть произнесены. Мы исходим из того, что последнее более чем вероятно. И в этом смысле желание Петра I «сразаться под Английскими Знаменами» против «Франции — общего врага христиан» представляется вполне искренним заявлением, хотя, возможно, и чересчур высокопарным.

Обратим внимание на еще один знаменательный аспект подготовительного этапа утрехтского свидания, по каким-то соображениям выпавший из поля зрения отечественных историков. Не только русский царь стремился к этой встрече, но и англичане, не исключая и самого короля, внимательно следили за российскими делами, за ходом Великого посольства, и начали готовиться к встрече едва ли не раньше своих русских партнеров. С июля 1697 г. ведется оживленная по тем временам переписка между личным секретарем короля У. Блейзуэйтом, государственным секретарем У. Трамбэллом, членами палаты лордов о том, как можно с наибольшей выгодой для Англии использовать предстоящую встречу Вильгельма III и Петра I. В том, что такая встреча

будет, английская сторона, судя по документам, не сомневается. Доминантная тема переписки — заинтересованность в торговле с Россией. Десятого августа на заседании палаты лордов зачитывается пространный доклад английской торговой палаты о необходимости возобновить торговлю с Россией и принимается решение отправить соответствующие предложения английских купцов У. Блейзуэиту в Голландию с тем, чтобы тот ознакомил с ними Вильгельма III. И «если королю будет угодно», говорится в сообщении палаты лордов, «то можно было бы использовать открывающиеся возможности в связи с визитом царя в Голландию с тем, чтобы обеспечить для английских купцов некоторые льготы, предлагаемые в докладе»*. Конкретнее, речь шла о восстановлении весьма значительных торговых привилегий, которыми пользовались в торговле с Россией английские купцы до 1648 г.

Показательно, что и в конфиденциальной, внутренней переписке, и в открытых протокольных обращениях к русскому посольству английские политики и дипломаты не только относятся к русским представителям как к равным себе и достойным партнерам, но и оказывают им особые знаки уважения. Английские дипломатические представители на переговорах в Рисвике получают инструкции «приветствовать Царя или его Послов по их прибытии в Гаагу... заверив Царя в исключительно дружеском расположении к нему со стороны Короля»**. Как только Великое посольство появилось в Голландии (15 августа), доверенные лица Вильгельма III первыми обратились к русским послам с предложением о встрече. Двадцать третьего августа секретарь английского посольства в Гааге и делегации в Рисвике М. Прайор пишет в Лондон своему министру: «Если Царю будет угодно оказать нам честь своим визитом, то Его Величество также прибудет сюда через день-два...»***.

Таким образом, стремление к англо-русской встрече на высшем уровне было обоюдным. При этом круг взаимных интересов при преобладании (по сохранившимся документам) торгово-экономических мотивов отнюдь не ограничивался последними. Политические вопросы обсуждались, скорее всего, на самой встрече, в ходе приватной беседы двух монархов, в очень узком кругу. Последнее соответствовало дипломатическому стилю Вильгельма III. Король,

* Calendar of State Papers: Domestic Series. 1 Jan. — 31 Dec. 1697. L., 1927. P. 298.

** Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. P. 31.

*** Ibid.

как известно, не особенно доверял своему аппарату, предпочитая лично решать наиболее важные политические и военные вопросы.

Судя по косвенным свидетельствам, антифранцузская нота присутствовала не только в обращении Петра I, но и на самой беседе. Заметим, что для короля обещание Петра I поддержать антифранцузскую коалицию, если война продолжится, вовсе не было пустым звуком. Хотя рисвикские переговоры и шли полным ходом, одновременно продолжались и военные действия. Всякое еще могло произойти, тем более в условиях численного превосходства французских войск. К тому же в воздухе уже витала проблема раздела так называемого «испанского наследства» и возможность новой войны с Францией*. Вильгельму III в данной ситуации было бесполезно заручиться дружбой с явно антифранцузски настроенным государством на востоке Европы, которое могло бы в какой-то мере служить еще одним противовесом французскому влиянию, отвлекая на себя часть дипломатической энергии Людовика XIV. Фактически Россия это уже делала. Как раз в эти дни, в сентябре, противоборство двух претендентов на польский трон — прорусски расположенного саксонского курфюрста Фридриха-Августа II и принца де Конти из дома Бурбонов вступило во вторую, решающую фазу. Курфюрст уже был коронован в Кракове 5 сентября. Но, несмотря на это, ни де Конти, ни сам Людовик XIV не примирились с поражением. По сообщению посла Августа II в Гааге Бозе, де Конти со своим флотом сумел пройти через Зунд в Балтийском море и готовился к высадке на польском побережье**. Посол от имени Августа II запросил царя о помощи. Именно во время утрехтской беседы Петр I сообщил Вильгельму III, что готов ее предоставить — в виде шестидесятитысячной армии, уже расквартированной у границы. Интересно, что Вильгельм III, а не Петр I проинформировал позднее посла Бозе о решении русского царя. Аналогичная информация регистрируется Н. Лутреллом в его записи от 17 сентября***.

В своем приветственном слове, а также, вероятно, и в беседе Петр I счел нужным сообщить Вильгельму III о российских успехах в антитурецкой войне. Судя по всему, король проявил к этой информации интерес, но не более того. Никаких конкретных предложений по помощи России от него не поступило. Тем не менее, как только известие о новой победе русских войск под Азовом

* См.: *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Первого. С. 98–99.

** См.: *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 188.

*** См.: *Barany G.* The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. P. 29.

(20 июля) достигает Голландии, первый русский Великий посол Лефорт, по поручению Петра I, незамедлительно сообщает об этом Вильгельму III*.

Контурь англо-русского «согласия», таким образом, после Утрехта вырисовывались довольно четко: антифранцузские действия в Польше, антитурецкая кампания, возобновление, а в будущем и развитие торговых связей. Судя по его речи, Петр I сознательно предпочел не сосредоточивать внимание короля на российском стремлении обеспечить продолжение союзнической войны против турок любой ценой. Акцент был сделан на сдерживании великодержавных амбиций Франции и на желании открыть русские порты для английских коммерсантов. Обратим внимание на два обстоятельства. Первое — царь говорит именно о портах, в то время как в России тогда имелся всего один порт. И второе — этот порт, как было хорошо известно и Вильгельму III, блокировался французами и шведами. Был ли это намек на планы войны со Швецией, а если и был, то понял ли его Вильгельм III, — судить трудно. Но, во всяком случае, подобное толкование, уже предпринятое Дж. Бэрани, не может быть вовсе исключено**. Сходной с Бэрани точки зрения придерживается и немецкий биограф Петра I Виттрам***.

Обращенные к Вильгельму III слова — «стремление сравняться с Вашими подвигами» и мечты о расширении владений могут быть истолкованы в том же ключе. А могут и в более широком плане — как заявка на создание империи. Назвав Вильгельма III «императором», Петр I ставит его на один уровень с императором Священной Римской империи. Объявляя о своем «стремлении сравняться» с подвигами Вильгельма III, русский царь тем самым приподнимает и свое собственное значение, и значение России.

Таковы были главные дипломатические результаты первой встречи русского царя и английского короля. Намечившаяся дружба между ними открывала и хорошие перспективы для выполнения еще одной важной миссии Великого посольства, а именно — для получения Россией необходимой ей технической помощи Запада, прежде всего Англии и Голландии.

По всем признакам, Вильгельм III был рад знакомству с русским царем. Петр I ему понравился. Упомянутые в приветственном

* См.: *Calendar of State Papers: Domestic Series*. 1 Jan. — 31 Dec. 1697. P. 352.

** См.: *Barany G. The Anglo-Russian Entent Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht*. P. 45.

*** См.: *Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser*. Gottingen, 1964. Bd. I. S. 1–61.

слове Петра I «добрые объятия», столь нехарактерные для известного своей сдержанностью и даже хмуростью Вильгельма III, по всей видимости, также имели место. Уже упоминавшийся нами М. Прайор сообщает в Лондон через день после встречи: «Его Величество очень доволен Им (то есть Петром I. — В. М.) и пригласил Его на обед»*. В «Статейном списке», на который ссылается М. М. Богословский, отмечается, что король пригласил на обед русских послов. «Великие и полномочные послы били челом и от стола по-отговаривались»**. Ничего, однако, не говорится об ответе самого царя. Английские источники, находившиеся вне поля зрения М. М. Богословского, свидетельствуют о том, что такой обед состоялся. О нем сообщила лондонская «The London Gazette» («Лондон газетт») от 9–13 сентября. Запись об обеде Вильгельма III и Петра I имеется и в дневнике Лутрелла. А газета «Post boy» («Поуст бой») в своем номере от 18–21 сентября сообщает даже детали: «...Здесь говорят, что царь Московии остался весьма доволен великолепным обедом, который дал в его честь король Великобритании. Он также был восхищен нашей манерой принимать пищу и даже в шутиливой форме пригласил сам себя вновь»***.

В ноябре Вильгельм III, подписав мирный договор с Францией, возвращается в Лондон. И почти сразу же по возвращении (9 ноября) маркиз Кармартен, по его поручению, направляет в адрес Петра I сообщение о намерении короля сделать царю весьма щедрый подарок — яхту «The Royal Transport» («Королевский транспорт»), которая начала специально для него строиться под руководством самого Кармартена. В том же письме царь называется «защитником христианской веры», доблестно сражающимся «против общих врагов — Турка и Крымского хана»****.

Формальная церемония вручения подарка Петру I состоялась во время пребывания царя в Англии — 2 марта 1698 г.***** Запись Лутрелла от 12 октября 1697 г. о том, что яхта уже подарена, бытующая в историографии, ошибочна.

* Loewenson L. The First Interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English Material. P. 316.

** Цит. по: Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 162.

*** Loewenson L. The First Interviews between Peter I and William III in 1697: Some Neglected English Material. P. 315.

**** См.: Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. P. 47.

***** См.: Grey I. Peter the Great in England // History Today, L., 1956. Vol. 6. № 3. March. P. 227.

Одновременно английские дипломатические представители в Голландии продолжают зондировать почву относительно развития торговли с Москвой, и в особенности получения выгодных для англичан привилегий. Четырнадцатого октября «Статейный список» регистрирует письмо от послов Пемброка, Вильямсона и Вилиерса. В нем отмечается, что англичане прежде всех других народов в Европе «содружество» с русским «народом имели». Затем «злоба времен и несчастливое продолжение войны» помешали этой дружбе. Послы по поручению короля, говорится далее, «того... просят, дабы сия дружба, содружество и торговля между... народами возвращена и обновлена была». Главное (этим письмом и заканчивается), чтобы Россия отменила торговые пошлины и разрешила ввоз в Россию «травы никоцыанской», то есть табака*.

В дальнейшем английские коммерсанты, политики и дипломаты не раз поднимают тему ввоза виргинского табака в Россию. Особенно активен в этом маркиз Перегрин Кармартен, лично заинтересованный в соглашении по табачной торговле. Перегрин — сын сэра Томаса Осборна, получившего титул маркиза Кармартена, а затем, в 1694 г., ставшего еще и герцогом Лидским** и вхожего в круг приближенных Вильгельма III. Доверяет король и его сыну. Перегрин, «страстный моряк и кораблестроитель, любитель морских приключений, храбрец, дуэлянт, веселый человек и занимательный собеседник за бутылкой»***, подружился с Петром I. После Утрехта он фактически стал посредником в отношениях между монархами, а во время визита царя в Англию был, если можно так сказать, его главным гидом и консультантом. Дружбой царя с маркизом предрешен и будущий успех переговоров о ввозе в Россию табака из английских колоний в Северной Америке. Похоже, что «табачная дипломатия» мало-помалу становится лейтмотивом англо-российского сотрудничества.

Пребывание Петра I на Британских островах (11 января — 25 апреля 1698 г.) показало, что все же это не совсем так. Зимой и весной 1698 г. «дух Утрехта» еще не угас. **«ОСТРОВ ЛУЧШИЙ, КРАСИВЕЙШИЙ И СЧАСТЛИВЕЙШИЙ ИЗ ВСЕГО СВЕТА»****.**

* См.: Памятники дипломатических сношений России с державами иностранных. С. 1049–1051.

** См.: The Concise Dictionary of National Biography. L, 1953. P. 981–982.

*** Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 307–308.

**** Из высказывания Петра I об Англии. См.: Андреев И. А. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 88–89.

О визите Петра I на Британские острова немало написано и у нас, и в Англии, и в других странах*. Внимание исследователей сосредоточивалось в основном на познавательной-культурной программе — на посещении Петром I королевских дворцов, музеев, театров, церквей, библиотек, оксфордских колледжей, монетного двора, Гринвичского госпиталя, на ознакомлении с портовыми сооружениями и судоверфями. Мы рассмотрим преимущественно внешнеполитические и дипломатические аспекты этого визита.

Петр I прибыл в Англию инкогнито и с самых первых дней настаивал на соблюдении конфиденциальности и минимуме протокольных формальностей. Тем не менее фактически его принимали как самого высокого и почетного гостя Его Королевского Величества.

Информация о пребывании русского царя в Англии была предметом переписки, отражена в документах высших английских дипломатических чиновников. Первое сообщение такого рода датировано днем приезда царя. Государственный секретарь по Северному департаменту, в чье ведение входили отношения Англии с Голландией, германскими, скандинавскими и балтийскими странами, Верной пишет 11 января 1698 г. Чрезвычайному Послу Дж. Вильямсону в Гаагу: «...Царь Московии прибыл сюда сегодняшним утром»**. Четырнадцатого января, заместитель государственного секретаря Дж. Эллис — послу Вильямсону: «Король посетил его (Петра I. — В. М.) сегодня утром, прибыв в карете лорда Ромни...»***. Восьмого февраля, Эллис — Вильямсону: «Царь несколько раз получал приватные аудиенции у Его Величества в Кенсингтонском дворце... Поговаривают, что Его Величество имеет намерение наградить Его орденом Подвязки перед его отъездом...»****. В письме от 19 апреля сообщается о прощальной встрече с королем в Кенсингтоне. Последняя запись датируется 29 апреля, когда русский царь уже покинул английский берег.

Петру I оказывались наряду с обычными и особые знаки уважения. Так, король первым нанес визит своему гостю с небольшой свитой. На другой день у Петра I с визитом был принц Георг Датский, супруг будущей королевы Англии Анны. Несмотря на то что Вильгельм III специальной прокламацией (в начале февраля)

* См., напр.: *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 293–389; *Barrow J.* The Life of Peter the Great. Edinburgh, 1894. P. 75–110.

** Public Record Office (далее — PRO): S. P. 32.15, fT. 11–12.

*** PRO: S. P. 32.15, ff. 15–16.

**** PRO: S. P. 32.9.

запретил своим подданным поступать на службу в иностранные государства, для царя он сделал исключение и разрешил нанять в Россию около шестидесяти нужных царю специалистов. Наконец, сообщение о намерении наградить царя орденом (хотя награждение, насколько известно, и не состоялось) также свидетельствует об особенном уважении, оказанном Петру I в Англии.

В английских документах не прослеживается и намек на недовольство царя, на его дурное настроение, тем более на вспышки гнева, как известно, ему свойственные. Судя по английским источникам, никакого конфликта, не говоря уже о серьезном, между Петром I и Вильгельмом III не возникло и тогда, когда царь, ближе ко времени своего отъезда, узнал о том, что Вильгельм III, ничего ему не говоря, вступил в переписку с Османской Портой относительно возможного посредничества Англии и Голландии в заключении мирного договора между Портой и императором Леопольдом I, равно как и его союзниками, включая и Россию. Лондонская газета «The Post Man» («Поуст мэн») в номере от 21 апреля сообщала, что во время последней аудиенции 18 апреля царь «выразил благодарность Его Величеству за оказанную ему честь и теплый прием, а также за прекрасный корабль, подаренный ему королем»*.

М. М. Богословский, ссылаясь на донесение в Вену Чрезвычайного австрийского Посла в Лондоне графа Ауерсперга, напротив, акцентирует недовольство царя, в силу которого «чувства его к Вильгельму III несколько омрачились»**.

На наш взгляд, если некоторое недовольство и было, то весьма небольшое, для иного не было видимых причин. Дело в том, что согласие Вильгельма III выступить посредником в предполагаемом мирном процессе было сформулировано и отправлено на рассмотрение в Вену лишь к концу пребывания царя в Англии***. При этом оно имело весьма общий характер. Вопрос, по сути, решался не в Лондоне, а в Вене.

Очевидно, что в намерения Вильгельма III не входило стремление раздражать царя. Не было для этого и политических резонов. Тем более что положение самого Вильгельма III в Англии как раз в это время было весьма незавидным. Парламент, распорядившийся финансами страны, нанес королю мощнейший удар, отказавшись выделить средства на содержание регулярной

* Loewenson L. Some Details of Peter the Great's Stay in England in 1698: Neglected English Material // Slavonic and East European Review. 1962., Vol. 40. P. 439.

** Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 380.

*** См.: PRO: S. P. 32.15, ff. 47–48.

армии — любимого детища Вильгельма III. В результате почти стотысячная армия должна была быть сокращена более чем в десять раз*. Подобное решение, в свою очередь, подрывало позиции Лондона на начавшихся переговорах с Парижем по поводу судьбы испанского престола. Французские экспансионисты вновь приободрились. Опасность — особенно для родины Вильгельма III, Голландии, — создания мощной империи Бурбонов, которая объединила бы две короны, французскую и испанскую, снова замыкала на горизонте**. В данной ситуации Вильгельм III, конечно же, был заинтересован в том, чтобы император Леопольд I вышел из «турецкой войны» и пришел к нему на помощь в случае нового вооруженного конфликта с Францией. Но до мира с турками было еще далеко, судьба переговоров с ними была пока не ясна. В столь неопределенной ситуации король как опытный дипломат отнюдь не стремился делать поспешные шаги и рисковать дружескими отношениями с царем, в политическую перспективность которого он, судя по всему, поверил. Добавим к этому, что и Петра I проблема продолжения антитурецкой кампании — во что бы то ни стало — интересовала все меньше и меньше. Во всяком случае, его претензии по поводу нарушения договора от 29 января 1697 г.*** могли быть скорее адресованы Вене (что царь и сделал позднее), нежели Лондону. Англия союзницей России не была, а значит, и не могла нарушить союзнических обязательств.

Мы можем, разумеется, только предполагать, о чем конкретно два монарха вели свои приватные беседы. Но почти наверняка среди их тем были вопросы церковного устройства, и в особенности отношений церкви с государством.

Интерес царя к религиозным вопросам был вызван прежде всего внутрироссийскими причинами: тогдашняя абсолютно независимая, богатая и политически влиятельная русская православная церковь являлась одним из мощнейших и опаснейших очагов сопротивления его реформам. Петра I, где бы он ни был во время своего путешествия, везде интересуется положением церкви. В Пруссии, в Голландии и особенно в Англии он регулярно встречается с религиозными деятелями, в основном протестантского

* См.: Coward B. The Stuart Age. England, 1603–1714. 2-nd ed. L., 1994. P. 386.

** См.: Baxters. B. William III. P. 369.

*** Договор о наступательном союзе в войне против Османской империи был подписан русским дипломатическим агентом в Вене К. Нефимоновым с императором Леопольдом I и его союзниками по Священной Лиге (Венецией, Польшей, рядом германских государств).

толка, ведет с ними длительные беседы, читает богословские сочинения на голландском языке — единственном иностранном языке, которым он овладел.

Думается, что нет достаточных оснований для заключения (в частности, профессора М. Раеффа) о том, что протестантизм стал наиболее близким по духу вероучением царя*. Речь может, скорее, идти о привлекательности идей подчинения церковной иерархии государству и о религиозной терпимости, воплощенных в жизнь в ряде западноевропейских государств, в том числе и в Англии при короле Вильгельме III.

В Лондоне царь, к примеру, неоднократно беседовал на эти темы с Дж. Бэрнетом, с 1689 г. епископом Солсбери, самым близким к королю сановником англиканской церкви. Бэрнет был к тому же официально назначен королем в состав свиты Петра I во время пребывания царя в Англии. М. М. Богословский приводит весьма показательный отрывок из письма Бэрнета к начальнику певческой капеллы в Йорке доктору Фаллю, в котором описывается четырехчасовая беседа Бэрнета с царем и среди прочего есть такие слова: «Из всего, что я говорил ему, он всего внимательнее слушал мои объяснения об авторитете христианских императоров в делах религии и о верховной власти наших королей...»**. Один раз, а по мнению некоторых авторов, дважды (27 февраля и 18 апреля) царь был на аудиенции у архиепископа Кэнтерберийского в его лондонском дворце Лэмбет***. При этом 18 апреля аудиенция проходила в присутствии короля. Под датой 19 апреля у Лутрелла записано: «Вчера Его Величество и Царь обедали у Архиепископа Кэнтерберийского во дворце Лэмбет»****. Правда, в английском государственном архиве подтверждений этому факту не обнаруживается.

Взаимоотношения Петра I с англиканским духовенством и с самим королем, являвшимся верховным главой церкви, уже во время визита завершились предоставлением англичанам особой привилегии, по которой подданным его величества предоставлялось в России свободное, вполне беспрепятственное отправление обрядов англиканской Церкви. На ее основании, к примеру, английский посол Ч. Витворт опротестовал в 1709 г. попытку

* См.: Slavic Review. American Quarterly of Soviet and E. E. Studies. 1982. V. 41. Winter. P. 626.

** Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. С. 326.

*** См.: Barrow J. The Life of Peter the Great. P. 98.

**** Loewenson L. Some Details of Peter the Great's Stay in England in 1698: Neglected English Material. P. 439.

митрополита рязанского Стефана подчинить своей юрисдикции духовных лиц инославных исповеданий, в их числе и англиканского пастора Чарльза Тирлби*. Решение царя было полезным и с политической точки зрения: гарантируя свободу вероисповедания, оно облегчало осуществление контактов между Россией и Англией, делало возможным приезд в Россию необходимых ей специалистов из Англии и других западноевропейских государств.

Вполне вероятно, что в Англии под влиянием собственных впечатлений, встреч с королем и религиозными деятелями у Петра I окончательно созрела мысль о необходимости проведения церковной реформы в России. Так, однажды, когда в Лондоне царь обсуждал условия так называемого «табачного контракта» с представителями местной купеческой гильдии, ее председатель Дж. Хиткоут заметил, что предубеждение московских церковников против табакокурения может воспрепятствовать его осуществлению. В ответ на это Петр I заметил: «Священники будут делать то, что я захочу, как только я вернусь домой»**. Обещание свое царь исполнил. Правда, не скоро, ближе к концу своего правления. Как и англиканская церковь при Вильгельме III, русская православная церковь учреждением Синода в 1721 г. была поставлена Петром I под юрисдикцию государственной власти и включена в систему государственной бюрократии, утратив тем самым многовековую автономию и свои возможности оказывать самостоятельное политическое влияние на общество***.

Незадолго до отъезда царя из Англии, 16 апреля 1698 г., было подписано торговое соглашение об условиях импорта в Россию табака английскими купцами. Переговоры велись еще с осени. В начале марта, по указанию царя, русские дипломаты, остававшиеся в Голландии, подготовили проект соглашения, а 17 марта для завершения этого дела в Лондон из Амстердама выехал Великий посол Ф. А. Головин. По трезвом размышлении российская сторона не пошла на предоставление англичанам права на свободную беспошлинную торговлю, о чем те с самого начала просили. Соглашение в его окончательном варианте предусматривало, что английские купцы будут уплачивать пошлину однократно в размере четырех копеек за фунт табака при доставке товара в Архангельск. Правда, вместе с тем англичане (фактически это был маркиз Кармартен-младший и его торговая компания) получили монопольное право на торговлю этим товаром в России. В пункте шестом соглашения

* См.: Андреев И. А. Петр I в Англии в 1698 г. С. 76–77.

** Barrow J. Peter the Great. P. 102.

*** Подробнее см.: Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985. С. 119–127.

значилось: «Иным иноземцам или русским торговать этим товаром запрещается». Кармартену было предоставлено право на ввоз табака в течение семи лет ежегодно по десять тысяч бочек (в каждой бочке содержалось по пятьсот фунтов). В седьмом пункте соглашения говорилось о том, что Кармартен выплатит Великим послам двенадцать тысяч фунтов стерлингов — сумму по тем временам немалую — в качестве аванса за уплату пошлины*.

Несмотря на компромиссный характер соглашения, английская сторона была им довольна. Двадцать второго апреля в краткой информации из Лондона послу в Гааге Вильямсону особо выделяется, что царь, который через день-другой отправится к берегам Голландии, «предоставил лорду Кармартену лицензию на ввоз табака в Москву»**.

Выгодно и надо ли было России заключать соглашение об импорте табака — вопрос дискуссионный, однако бесспорно то, что этим соглашением были восстановлены прерванные до этого на полстолетия англо-русские торговые связи, дан импульс их дальнейшему развитию.

Восемнадцатого апреля 1698 г. Петр I последний раз виделся с королем Вильгельмом III, а через неделю навсегда попрощался и с Англией. Судя по записям в дневнике путешествия — в «Юрнале», который вел кто-то из сопровождавших Петра I (всего с ним было двадцать семь человек), — царю понравилась эта страна и ее гостеприимные обитатели. Его наверняка восхитил Лондон — уже тогда величественный, крупнейший в Европе город. Петр I видел и Тауэр, и Вестминстерское аббатство, и Гилдхолл, и почти достроенный собор Св. Павла, и уходящий за горизонт лес корабельных мачт на Темзе. Возможно, что именно Лондон окончательно убедил Петра I в правильности еще ранее сложившегося у него представления — только выход к морю способен обеспечить процветание страны и ее народа. Можно предположить, что именно Лондон прежде всего вспоминал русский царь, задумывая свой собственный город на Неве.

Ничего сравнимого с Англией Петр I во время своего первого заграничного путешествия не видел. Двадцатого апреля 1698 г. в «Юрнале» было записано: «...Часто его величество изволил говорить, что оной Английской остров лучший, красивейший и счастливейший есть из всего света...»***.

* См.: Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. С. 1185–1190 (двенадцать тысяч фунтов стерлингов составляют теперь более миллиона фунтов стерлингов. — В. М.).

** Calendar of State Papers: Domestic Series. I Jan. — 31 Dec. 1698. P. 207.

*** Андреев И. А. Петр I в Англии в 1698 г. С. 88–89.

Время и новые неотложные заботы вскоре развели по разные стороны русского царя и английского короля. Но их взаимная привязанность и уважение не канули влету, а, напротив, окрашивали в светлые тона взаимоотношения столь далеких народов и впредь, стимулировали развитие англо-российских связей в различных областях.

Так, в июле 1700 г. царь, по информации первого государственного секретаря Дж. Вернона, «отдал приказ своим морякам обращаться с подданными Его Величества со всей возможной добротой и гуманностью...». Вскоре и король Вильгельм III отдал распоряжение английскому главнокомандующему адмиралу Дж. Руку «обращаться с подданными царя с неменьшей вежливостью»*.

Именно к королю Вильгельму III обратился Петр I с просьбой о посредничестве в переговорах с турками о заключении с ними мирного договора. Это случилось вскоре после завершения Карловицкого конгресса (в январе 1699 г.), на котором Россия и Порта подписали только перемирие, отложив вопрос о мире на будущее.

В том же 1699 г. между Англией и Россией устанавливаются консульские отношения, королевский патент Чарльзу Гудфеллоу на выполнение функций генерального консула в Москве подписан Вильгельмом III 9 ноября 1699 г. В аккредитационном письме (от 22 сентября) говорилось, что назначение произведено в интересах развития торговли между двумя странами**.

Позднее, уже при королеве Анне, в 1704 г., Лондон назначает в Россию первого постоянного дипломатического представителя, посланника Чарльза Витворта. В 1711 г. статус английского постоянного представителя (им оставался Витворт) поднимается до уровня Чрезвычайного и Полномочного Посла.

Впредь уже никогда не прерываются двусторонние торговые связи, сдвинутые с мертвой точки именно в ходе встреч в Утрехте и в Лондоне. Менее чем через год после отъезда царя из Англии парламент, специально обсуждавший торговые связи с Россией, предлагает в десять раз (с пятидесяти до пяти фунтов стерлингов) уменьшить вступительный взнос для акционеров англо-российской торговой компании с тем, чтобы расширить число ее членов***.

При королеве Анне (Вильгельм III умер в начале марта 1702 г.) голоса противников экономического сотрудничества с Россией, ар-

* Calendar of State Papers: Domestic Series. I April 1700–8 March 1702. L., 1937. P. 286.

** См.: British Diplomatic Representatives. 1689–1789. L., 1932. P. 110.

*** См.: Calendar of State Papers: Domestic Series. 1 Jan. 1699–31 March 1700. L., 1937. P. 34.

гумантировавших свою позицию политическими соображениями, стали звучать громче; заметим при этом, что таковые находились и в России (например, фаворит царя А. Д. Меншиков). Летом 1705 г. недругам России в Лондоне удалось убедить королеву запретить отъезд в Россию английским техническим специалистам и мастерам. Посол Витворт, сам сторонник англо-российского сотрудничества, пытался переубедить королеву, ссылаясь в первую очередь на личное согласие и заинтересованность в этом покойного Вильгельма III. В конечном счете точка зрения посла победила, и запрет был снят*. В подготовительных материалах для «Истории Петра», собранных А. С. Пушкиным в архиве Коллегии иностранных дел Российской империи, имеется ссылка на письмо Петра I, в котором царь отмечает данное королевой Анной разрешение выписывать мастеровых из Англии**.

В целом торговля развивалась быстрыми темпами. Всего только за десятилетие (1698–1708) объем англо-российского товарооборота утроился и продолжал возрастать в течение всего XVIII в.*** В 1734 г. был заключен первый, а в те годы и единственный в своем роде, англо-российский межгосударственный торговый договор.

Таким образом, первые конкретные итоги англо-российских связей, являвшиеся отголоском встреч в верхах 1697–1698 гг., были весьма ощутимыми. Но все же в них не было ничего экстраординарного. Экстраординарный характер, скорее, носили сами личные встречи двух монархов. Теперь факт их необычности и судьбоносности осознается острее, чем три столетия тому назад.

Финальные размышления об итогах

Два монарха, Петр I и Вильгельм III, были поразительно похожи друг на друга — своими политическими амбициями, подходами к решению государственных дел и даже личной судьбой. Оба, притом нередко в ущерб своим личным интересам даже здоровью, щедро расходовали свою избыточную жизненную энергию на решение общественных задач, в первую очередь на усиление и возвеличивание своих государств. Оба были не любимы и не поняты тогдашней политической элитой. Коренная причина этого явления, на наш взгляд, заключается в том, что и Петр I, и Вильгельм III как государственные лидеры намного опередили свое

* См.: PRO: S. P. 91/4, ff. 127, 270.

** См.: Пушкин А. С. Сочинения: в 10 т. М., 1958. Т. 9. С. 144.

*** См.: Barany G. The Anglo-Russian Entente Cordiale of 1697–1698. Peter I and William III at Utrecht. P. 70.

время. В этом плане нам представляется вполне обоснованным тезис профессора М. Раеффа о том, что, согласно политическому календарю, новый, XVIII в. в России начался в 1696 г., когда Петр I стал единоличным правителем России*. Как деятель просвещенного XVIII в. он не принимал Московское государство с его архаичной политической культурой и международной изолированностью, поставив себе задачу преобразовать его в империю, аналогичную по основным государственно-политическим параметрам западноевропейским великим державам, и обеспечить ее равноправное и активное участие в мировых делах.

Такой же вывод можно сделать и в отношении короля Вильгельма III. Благодаря ему в Англии XVIII в. начался в 1688 г. Немногим более чем за десятилетие королю удалось вывести страну из разряда провинциального, второстепенного государства в число великих европейских держав с серьезными претензиями на выполнение роли арбитра в международных делах.

Шлейф непонимания и неодобрения тянется за обоими монархами до нынешних дней. Нелестные оценки личности Петра I частью отечественных историков, политологов, публицистов достаточно хорошо известны, что же касается короля Вильгельма III, то современный исследователь С. Бакстер подытоживает: «...английские историки взяли за правило ограничиваться расхожим тезисом о его неанглийском происхождении, не забывая всякий раз называть его “этот голландский Вильям”»**. Лишь немногие авторы, особенно в те далекие годы, сумели оценить его выдающуюся роль в английской истории. Среди них был и Д. Дэфо. В 1705 г. он, обращаясь к своим соотечественникам, так писал о покойном короле: «Как только он (Вильгельм III. — В. М.) прибыл сюда, он стал вашим проводником, вашим слугой, вашим солдатом удачи. Он сражался за вас на поле боя. Он валился с ног от усталости за вас, жертвовал своим здоровьем, подрывал свой покой... В знак благодарности за все это вы окружили его ревностью и подозрениями, упреками и нападками, и они продолжались до тех пор, пока такое ваше с ним обращение совсем не разбило его сердце. Я думаю, что вы просто убили его, подобно тому, как вы убили и одного из его предшественников, чья голова была отрублена его соотечественниками»***.

Обгоняя свой век во внутrigосударственных делах, Вильгельм III и Петр I опережали его и в делах дипломатических.

* См.: Slavic Review. American Quarterly of Soviet and E. E. Studies. P. 612.

** Baxter S. B. William III. P. X.

*** Cannon J., Griffiths R. Oxford Illustrated History of the British Monarchy. N. Y., 1996. P. 443.

Именно по этой причине встречи русского царя с Вильгельмом III были столь непохожи на его аудиенции с другими европейскими суверенами — Леопольдом I, Фридрихом III. Те проходили строго по канонам старой дипломатии. Они обставлялись чрезмерным числом церемониальных формальностей, сковывавших свободу диалога и не дававших возможностей ни на йоту отступить от заранее расписанного регламента. Встречи с Вильгельмом III, напротив, вопреки традиционной практике приобрели неформальный, доверительный характер. Они в значительной мере стали образцом личной дипломатии в верхах нового типа — лидеры государств без предварительной повестки дня, по собственной инициативе обсуждали любые вопросы, какие они желали обсуждать, решали дела, которых они не могли и не хотели никому доверить. Лишь по прошествии десятилетий, а то и столетий стала вырисовываться историческая грандиозность тогда едва видимого и почти никем не осознанного главного результата встречи: Петр I добился для своей страны первого в ее истории, фактически даже опережающего, признания ее весомой роли в международных делах со стороны руководителя одновременно двух государств — Англии, уже ставшей великой державой, и Голландии — одного из тогдашних торговых и промышленных центров Европы.

Встречи с Вильгельмом III — решающий этап на пути становления внешнеполитической концепции Петра I. Из Англии царь уезжает с убеждением, что не международная изоляция страны, а, напротив, ее активное взаимодействие с внешним миром, основанное на двух «китах» — торговле и мореплавании, — может вывести Россию из состояния исторического тупика, в котором она оказалась.

Таким образом, царь отправился в Западную Европу, ставя перед собой и Великим посольством одну цель — сохранить и укрепить союз с западноевропейскими государствами, участвовавшими вместе с Россией в антитурецкой войне. Возвращался домой он, однако, уже с другой целью — «с мыслями, обращенными к новым перспективам на Севере»*. К примерно аналогичному выводу приходит и профессор Лондонского университета Линдзи Хьюз, автор фундаментального исследования о Петре I. По ее мнению, все крупные события в ходе Великого посольства указывали на нереалистичность успешных завоеваний южных рубежей России и знаменовали собой фактическое наступление «новой фазы во внешнеполитической программе Петра I»**. Государственно-

* Sumner B. H. Peter the Great and the Emergence of Russia. L., 1950. P. 41.

** Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven and L., 1998. P. 26.

политической *idée fixe* царя становится завоевание для России морских портов на Балтике и, соответственно, установление кратчайших и наиболее удобных путей сообщения с Западной Европой.

Этим поворотом во внешнеполитическом мышлении царя, на наш взгляд, могут быть объяснены и некоторые «странности» в поведении Петра I во время заключительного этапа его заграничного путешествия (июнь-август 1698 г.), его хладнокровие и относительное спокойствие в ситуациях, в которых, даже менее драматических, ранее царь попросту впадал в ярость. Так, вполне корректный, соответствовавший международным прецедентам, но не соответствовавший завышенной самооценке царя прием Великого посольства в Риге в начале поездки (март-апрель 1697 г.) вызвал крайнее недовольство Петра I, а в дальнейшем был даже использован русской дипломатией в качестве формального предлога для объявления войны Швеции. Однако всего год с небольшим спустя подданные императора Леопольда I обходятся с Великим посольством куда нелюбезнее. Более того, австрийцы прямо нарушают свои союзнические обязательства в отношении России, начав втайне от нее сепаратные переговоры с турками. К моменту визита царя в Вену они уже приступили к подготовке мирного конгресса, разработали условия, на которых этот мир может быть заключен, поставив тем самым своего нового союзника, Россию, в унижительное положение. Царь и его дипломаты, находясь в Вене (июнь-июль), разумеется, протестуют, пишут заявления, ноты, выступают с демаршами. Но, заметим, все это делается в форме, несоразмерно мягкой в сравнении с грубостью и вероломством австрийцев.

Петр I соглашается на российское участие в Карловицком конгрессе, а значит, и выражает свою готовность принять в принципе разработанные его союзниками без его участия условия мира, для России невыгодные. Согласно этим условиям, а именно лежащему в их основе принципу «*uti possidetis*» (каждому отдается территория, которой он реально владеет), Вена, Варшава и Венеция получают огромные территориальные приращения, а Россия всего лишь несколько небольших крепостей по Днепру и Азов, то есть почти ничего в сравнении с ее союзниками. Тем не менее царь не идет на обострение отношений с ними. Он решает назначить своего представителя, Великого посла П. Б. Возницына, для участия в Карловицком конгрессе. Но при этом, что интересно, не оставляет ему никаких письменных инструкций — царь, предполагая, что международная обстановка и задачи российской внешней политики, скорее всего, будут меняться в то время, пока будет проходить конгресс, не хочет связывать Возницына жесткими требованиями.

В самом деле, встреча Петра I с Августом II в Раве Русской и в Томашове (август-сентябрь 1698 г.) окончательно определяет — отныне главным внешним противником России становится Швеция, а не Порты. Знал или не знал Возницын о поворотном решении, принятом на встрече с польским королем, не суть важно. Важно то, что его тактика в ходе конгресса (октябрь 1698 — январь 1699 г.) вполне соответствовала намерениям царя. Петру I нужно было выиграть время — и Возницын затягивает конгресс, ведет переговоры «на измор». В конечном счете союзники заключают с Константинополем мирные договоры, а Возницын добивается только перемирия (14 января 1699 г.) и договоренности о будущих специальных переговорах по заключению мира. С точки зрения задач, стоявших в начале 1697 г., это можно было считать поражением. Но с точки зрения 1699 г. перемирие таковым уже не было. Царю более не требовалась победа над турками — ему было нужно обеспечение их нейтралитета. Перемирие, а затем и Константинопольский мир 1700 г. решали эту задачу. На следующий день после получения извещения о заключении Константинопольского договора с Османской империей (8 августа 1700 г.), предусматривавшего тридцатилетнее перемирие, Россия официально объявляет войну Швеции*.

Таким образом, распространенный в отечественной историографии тезис о том, что «дипломатия Великого Посольства потерпела неудачу»**, на наш взгляд, представляется, в свете новых документов и анализа, несколько упрощенным.

На самом деле дипломатия Петра I и Великого посольства не только не потерпела неудачу, а, напротив, обрела осмысленность, начала осваивать новые формы и методы общения с партнерами. У российской дипломатии появились навыки, которых у нее никогда не было, — навыки дипломатического искусства. Петр I и его сподвижники на практике учились понимать, что в дипломатии возможно и даже необходимо вести переговоры втайне от союзников, поощрять внутренние интриги в стане противника, действовать не напрямую, а через посредников, придерживать ценную информацию даже от самых, казалось бы, верных друзей. Нужно также уметь скрывать свои мысли и сдерживать эмоции. Полезны и такие качества, как расчетливость, терпение и твердость. Требуется и многое другое.

Среди уроков, которые получил в Западной Европе Петр I — дипломат, был и урок короля Вильгельма III, а именно скрывавшиеся

* См.: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. С. 155.

** Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. С. 580.

королем от царя первые шаги в посредничестве Англии и Голландии в процессе заключения мирного договора с Константинополем.

Возможно, это был решающий удар по традициям и ментальное идеалистической дипломатической школы Московского государства, прямолинейно воспринимавшей сложную палитру красок международных отношений, привыкшей подразделять окружающий мир на православных и антихристов и на практике действовавшей в основном по этой схеме. «Тайная дипломатия» П. Б. Возницына в Карловице*, а затем и в Вене (о его встречах с французским секретным дипломатическим агентом мы уже упоминали) вполне доказала, что русские дипломаты сумели быстро адаптироваться к нормам европейской дипломатической «игры» и успешно использовать их в интересах своего государства.

Рядом качеств, обычно свойственных хорошим дипломатам, несомненно, обладал король Вильгельм III. При этом неопытная в дипломатических делах и профессионально слабо подготовленная английская внешнеполитическая элита часто воспринимала негативно некоторые черты его характера, весьма полезные для дипломатической работы. Такие, например, как, по словам епископа Дж. Бэрнета, «медлительность в выработке решений, но твердость в их осуществлении», «невозможность разгадать его замыслы до тех пор, пока он сам о них не объявит», умение «терпеливо выслушивать собеседника, даже если королю его слова неприятны». Терпеливость Вильгельма III высшими политическими кругами Лондона неправомерно воспринималась как леность, а сдержанность как высокомерие**.

Английской дипломатии до Вильгельма III недоставало ни опыта, ни кадров. Нехватка дипломатического персонала приводила порой к весьма курьезным ситуациям. Так, к примеру, для осуществления своих дипломатических контактов королева Мэри в 1690 г. была вынуждена прибегнуть к услугам не английских дипломатов, а испанского посла в Лондоне П. Ронкильо***.

В этих условиях королю приходится лично заниматься текущими дипломатическими делами, обращаясь к помощи более опытных и искусных голландских дипломатов. Последние (наиболее выдающийся пример — Биллем Бентинк, получивший от короля английское дворянское достоинство и титул графа

* Подробнее см.: *Гринеvский О. А.* Прокофий Возницын, или Мир с турками. Документальная повесть из истории русской дипломатии. М., 1992.

** См.: *Burnet G.* William III // *English Historical Documents 1660–1714*. L., 1953. Vol. 8. P. 904–905.

*** См.: *Baxters. B.* William III. P. 270.

Портлэнда) внедряются на руководящие должности в государственных департаментах по иностранным делам (их было в то время два — Южный, или Главный, и Северный), а также в дипломатические представительства за рубежом. Процесс был нелегким, вызывавшим по понятным причинам отторжение у значительной части английских дипломатов и усиливавшим неприязнь лично к королю. Но он был необходимым в ситуации резкого увеличения международной активности Лондона.

В целом Вильгельму III удалось заложить основы модернизации английского государственного аппарата, в том числе и его дипломатического звена. При нем улучшается координация работы дипломатических ведомств, налаживается регулярный обмен информацией между дипломатическими представительствами за рубежом и Лондоном, делаются попытки ее обобщения и анализа. Эффективность дипломатической машины заметно повышается. Отдавая должное королю в этой области его государственной деятельности, некоторые авторы даже делают вывод о том, что до Вильгельма III в Англии «дипломатическая служба» в современном толковании этого термина вообще отсутствовала*.

В свете организации дипломатии перед Петром I, по сути дела, стояли аналогичные задачи. В допетровской России на высших должностях в ее центральном дипломатическом ведомстве — Посольском приказе — порой встречались талантливые люди**. Были таковые и при Петре I. Но с резким скачком в международных связях России их начало явно недовоспелось. Царю, отчасти по этой причине, приходилось прибегать к услугам иностранцев. Так, именно швейцарец Ф. Лефорт был назначен Первым послом и формальным руководителем Великого посольства. Он выступал и в качестве переводчика Петра I во время его бесед с иностранными монархами.

Петр I, как и Вильгельм III, лично вел наиболее важные дипломатические дела, исходя из того, что старый аппарат непригоден для их решения ни в политическом, ни в профессиональном отношении. Возвратившись из заграничного путешествия, царь фактически изымает из ведения Посольского приказа актуальные внешнеполитические дела и передает их Посольской канцелярии, штат сотрудников которой подбирается им лично. Ее местопребывание объявлялось так: «Пребывает там, где Его Величество».

* См.: Jones J. R. Britain and Europe in the Seventeenth Century. L., 1966. P. 4.

** Подробнее см.: Селянинов О. П. Тетради по истории дипломатической службы государств (возникновение и развитие). М., 1995. С. 86–90.

Посольская канцелярия просуществовала до 15 декабря 1717 г., когда вместе с остатками Посольского приказа она была преобразована в Коллегию иностранных дел, ставшую первым чисто внешнеполитическим ведомством в истории России (Посольский приказ занимался, кроме внешнеполитических, и рядом внутренних административных, хозяйственных и территориальных вопросов).

Усвоенный царем западноевропейский опыт организации дипломатии, в том числе, как можно полагать, и английский опыт, лег в основу кардинально новых для России подходов к дипломатическим связям с иностранными государствами. До Петра I Россия по принципиальным соображениям не считала нужным открывать постоянные дипломатические представительства в отдаленных от нее государствах, исключение делалось только для соседей (российские дипломатические миссии действовали в Швеции с 1634 г. и в Польше — с 1673 г.).

Петр I, по образцу западноевропейских государств, создает целую сеть постоянных дипломатических представительств за рубежом (1699 г. — в Гааге, 1700 г. — в Копенгагене, 1701 г. — в Вене, 1701 г. — в Константинополе, 1702 г. — в Париже, 1706 г. — в Лондоне)*. Миссии соответствующих государств открываются и в России.

Реформы Петра I в дипломатической области, как и реформы Вильгельма III, не понимаются и не одобряются большей частью старых кадров. Более того, упреки по адресу царя, что он внес в организацию дипломатической службы «массу субъективизма и волюнтаризма, не считаясь с прежними русскими традициями», можно встретить и у современных авторов**.

При всей неоднозначности политических оценок дипломатических преобразований Петра I один факт все же должен быть признан бесспорным — именно Петром I были созданы удачные организационные основы дипломатии будущей Российской империи, что позволило российскому дипломатическому аппарату в профессиональном отношении практически ни в чем не уступать его основным иностранным партнерам, а кое в чем и превзойти их. Не требует особых доказательств и общеизвестный факт, что значительный международный авторитет и престиж России в от-

* Данные приводятся по: *Похлебкин В. В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск I: Ведомства внешней политики и их руководители. Справочник. М., 1992. С. 202–207.

** Там же. С. 200.

дельные периоды ее истории во многом обеспечивался высоким качеством профессиональной работы ее дипломатов.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство, связанное с дипломатией в верхах Петра I и Вильгельма III. По сути дела, это была беспрецедентная в предшествовавшей истории встреча представителей цивилизаций и политических культур, столетиями подпитывавшихся идеями и ощущениями взаимной подозрительности, недоверия, антипатии и даже вражды. До 1697 г. даже нормальный, ординарный диалог между западно-христианским и русским православным миром являлся событием весьма редким, а партнеры в таком диалоге рисковали быть обвиненными в предательстве национальных интересов.

Петр I и Вильгельм III не только вели диалог, но и более того — они установили между собой отношения «дружбы и братской любви», тем самым продемонстрировав возможность не только взаимной терпимости, уважения, сотрудничества, но даже и комплиментарное западноевропейских и российско-православных мировоззренческих традиций. Оба монарха, на наш взгляд, проявили при этом большую личную смелость и политическое мужество, а также изобретательность, прозорливость и нестандартность мышления и поведения — качества, которых столь часто недоставало многим их предшественникам и потомкам.

